

СОЦИОЛОГИ В КЯЭРИКУ

Леонид Столович
профессор Тартуского университета

Леонид Наумович Столович (р. 1929), родился в Ленинграде, в 1952 году закончил философский факультет ЛГУ. В начале 1953 года переехал в город Тарту (Эстония), с тех пор работает в Тартуском университете. В 1994 году стал Почетным профессором этого университета. Философ, специалист в области аксиологии, эстетики и истории философии.

Настоящий текст был опубликован частично на эстонском языке в книге: Stolovit L. Kobtumised elu radadel [Встречи на тропках жизни]. Tallinn: «По», 2006, lk. 146-161, а также отчасти в книге: Столович Л. Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии. Таллинн: 2003, с.213-227.

Редколлегия журнала «Телескоп» благодарит профессора Леонида Столовича за предоставленное нам право публикации этого материала.

Kaäriku, по-русски *Кяэрику*, – наименование места, в котором находилась спортивная база Тартуского университета, недалеко от Тарту. Этот поселок вошел в историю многих областей знания. Пожалуй, наибольшую известность Кяэрику получил благодаря тому, что в нем образовывалась и проводилась, так называемая, Тартуско-Московская, или Московско-Тартуская, школа семиотики, возглавлявшаяся *Юрием Михайловичем Лотманом* (см. материалы «Из истории Московско-Тартуской семиотической школы» в «Новом литературном обозрении», 1993, № 3, с. 29-87).

Я принимал участие в работе семиотической летней школы и в семиотических конференциях, проводившихся в самом Тарту. Туда приезжали умнейшие, образованнейшие и творчески одаренные люди из Москвы, Ленинграда, Вильнюса. В 1966 году в Кяэрику был *Роман Осипович Якобсон*. Во время заседаний, насыщенных дискуссиями, совместных трапез, прогулок, вечерних посиделок много было сказано остроумного и веселого. Игра была не только предметом теоретического рассмотрения. Но в семиотических изданиях эта сторона научного быта своего отражения не нашла, хотя в воспоминаниях участников семиотических школ и конференций она не только сохранилась, но и запечатлелась.

В Кяэрику в 1966–1969 гг. собирались также социологи, изучавшие теорию и практику массовых коммуникаций в разных аспектах. Это был период становления советской невульгарной социологии, за которым последовал этап ее удешевления, к счастью, не доведенный до конца. Развитие социологии в эти годы шло на фоне таких событий, как «Пражская весна» с ее надеждами и похороны этих надежд под грохот танков, вошедших в Прагу. В наступившие времена «развитого социализма» *Homo soveticus* повел обострившуюся классовую борьбу с *Homo antisoveticus*, но еще не победил окончательно. Тарту и его окрестности пока оставались относительно свободным оазисом, еще не засыпанным песками пустыни номенклатурного социализма. И как обитатели саванн во время засухи направляются к еще незасохшим озерам и рекам, ведущие социологи страны съезжались в Кяэрику за глотком, хоть и не *безбрежной*, но все-таки свободы слова. До поры до времени местное начальство, пока оно само еще не было вполне уверенным, куда повернет ветер пражской весны, этому не препятствовало. Таково же было его отношение и к собраниям семиотиков, примерно в эти годы собиравшихся в Кяэрику, но в другое время года: школы семиотиков были летними, встречи социологов – осенними, а порой и зимними.

Тема первой встречи социологов в Кяэрику в октябре 1966 г. – «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Тема второй встречи в 1967 г. – «Ценностные ориентации личности и массовая комму-

никация». На третьей встрече в 1968 г. обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 г. состоялась четвертая и последняя встреча социологов. Пустыня уже грозно надвигалась на оазис.

В этих встречах участвовали наиболее значительные социологи России: *В.А. Ядов, Б.М. Фирсов, А.Г. Харчев* из Ленинграда, *Ю.А. Левада, Б.А. Грушин, Л.А. Седов* из Москвы. Из Свердловска приезжали *Л.М. Архангельский* и *Л.Н. Коган* со своими сотрудниками, из Новосибирска – *В.З. Коган*, из Латвии – *А. Милтс*. К социологическим обсуждениям подключал свой методологический семинар *Г.П. Щедровицкий* – выдающийся специалист в области методологии и теории мышления. Выступали в ходе дискуссий философы *И.С. Кон, П.П. Гайденко* и *Ю.Н. Давыдов*. Одно из заседаний вел *Ю.М. Лотман*, который поразил участников социологических обсуждений своей необычайной деликатностью (все говорили: «Вот это – настоящий петербургский профессор!»).

Разумеется, в организации этих встреч и в обсуждениях проблем массовой коммуникации большую роль играли эстонские социологи: *Ю. Вооглайд* и возглавлявшаяся им лаборатория социологии при Тартуском университете, *М. Лауристин, Я. Аллик, П. Вихалемм, А. Муруттар, П. Кенкман, М. Титма*. Все они впоследствии стали видными политическими деятелями независимой Эстонской Республики, хотя и в разных политических течениях. Не были в стороне от социологических встреч и тартуские философы – *Р.Н. Блум, Я.К. Ребане* и другие.

Я был подключен к социологическим конференциям, не только потому, что меня интересовала обсуждаемая на них проблематика, но как научный руководитель социологических исследований в Тартуском университете. На столь престижную должность я попал и по некоторым формальным обстоятельствам. В ноябре 1965 года я защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Проблема прекрасного и общественного идеала», став первым и на какое-то время единственным доктором философских наук в Эстонии. Как такового меня и назначили на это «генеральскую должность». Правда, я и сам в это время проводил социологические изучения эстетических и художественных вкусов школьников, руководил аспирантами, работавшими над диссертациями по социологии журналистики и искусства.

Приезжали на кяэрикуские встречи социологов и социологи, представлявшие официальные и официозные структуры. Одному из них командировку подписывал сам А. Шелепин. Так что мы знали, в соответствии с афоризмом Станислава Еже Леца, что «человек не одинок, кто-нибудь за ним да следит», но тогда это нас не сковывало, хотя, как потом выяснилось, доносы на нас писались исправно. Помимо этого, в нашей среде, первоначально такой единой и дружной, намечался раскол

на социологов, которые стремились честно исследовать реальные социальные процессы, происходящие в обществе, и на социологов, работавших по принципу: «Чего изволите!». Социологов первого типа представляла лаборатория Юло Вооглайда, поддерживаемая В.А. Ядовым, Б.М. Фирсовым, Ю.А. Левадой, Б.А. Грушиным. Ей противостояла другая группа социологов, организовавшая «Лабораторию коммунистического воспитания». Это группа опиралась на сторонников «ручной», или, точнее, «подручной», социологии в Москве, которые начали захватывать господствующие высоты. Дело кончилось в 1975 г. разгромом и разгоном под руководством ЦК КПЭ и КГБ социологической лаборатории Вооглайда, исключением руководителя лаборатории из партии и доведением до самоубийства талантливого ее сотрудника *Николая Горбунова*.

На встрече социологов в Кяэрику в 1968 году. Слева направо: Юло Вооглайд, ныне старейший депутат Эстонского парламента, Леонид Столович, Борис Фирсов, в те годы аспирант-социолог, ныне – почетный ректор Европейского университета в С.-Петербурге, за широкой спиной Рэма Блюма.

Ülo Vooglaid, окончив историческое отделение Тартуского университета в 1960 г., поступил в аспирантуру по социологии. Его научным руководителем был мой сокурсник Владимир Ядов, который в 60-х годах представлял наиболее творческое течение в советской только что нарождающейся социологии. Предметом исследования Ü. V. была тартуская газета «Edasi», ставшая наиболее популярной газетой Эстонии и эти вызывавшая ревность республиканских газет, являвшихся прямым органом ЦК КПЭ. Многостороннее конкретно-социологическое исследование успешно функционирующей газеты выводило Ü. V. на общие проблемы средств массовой коммуникации и информации, которыми в Советском Союзе только-только начали заниматься.

В содружестве с Вооглайдом социологическими исследованиями массовой информации начали заниматься молодые тогда преподаватели и сотрудники отделения журналистики Тартуского университета, которые активно участвовали в Кяэрикуских встречах. Это прежде всего Марью Лауристин и Пеетер Вихалемм. М. Лауристин в середине 60-х годов поступила в аспирантуру кафедры философии и начала работать под моим руководством над проблемой ценности, которая как раз в это время «получила гражданство» в советской философии и начала у нас интенсивно разрабатываться. Однако вскоре Марью почувствовала интерес к другой более конкретной проблематике – к так называемому контент-анализу, т. е. к содержательно-ценностному исследованию (в том числе и конкретно-социологическими методами) содержания средств массовой информации и коммуникации. В этой области я специалистом не был, но формально оставался руководителем диссертации Марью, которую она написала совершенно самостоятельно и блестяще защитила.

Обладая незаурядными организаторскими способностями, Ü. V. на базе одного штатного места создал лабораторию, насчитывающую порядка 70 сотрудников на

основе различных хозяйственных договоров. Лаборатория приобретала городские и загородные помещения для своей деятельности, арендовала транспортные средства, а главное непрерывно профессионально обучала своих работников. С этой целью проводились семинары и конференции, на которые приглашались видные социологи из различных городов всей страны. Встречи социологов в Кяэрику были не только форумом для уже известных профессионалов, но и средством обучения студентов в области социологии. В списке участников первой кяэрикуской встречи 1966 года мы встречаем целый ряд студентов, которые в дальнейшем стали видными учеными-социологами, социальными мыслителями и политиками, таких, как Jaak Allik, Peeter Vihalemm, Николай Горбунов, Paul Kenkman, Дмитрий Михайлов. На встрече 1967 г. к ним присоединились студенты Trivimi Velliste, Евгений Голиков, Märt Kubo. На встрече 1968 г. – Juri Allik. Trivimi Velliste стал потом первым министром иностранных дел независимой Эстонской Республики, Jaak Allik и Märt Kubo одно время были министрами культуры, а Juri Allik возглавил психологическую науку в Эстонии. Студенты, здесь перечисленные и неназванные, очень существенно помогали в организации всех мероприятий, от бытовых до культурных, вызывая восхищение гостей этой своей деятельностью. Но одновременно они посещали все доклады и их обсуждения и по мере своего развития включались в эти обсуждения.

Ü. V. – энергичный, предприимчивый, компанейский, веселый, порой хитроватый, умело завязывал нужные связи. Лаборатория приобрела свой хутор (talu), на котором сотрудники лаборатории и ее друзья охотно проводили свое свободное время, устраивались художественные выставки, выступали молодые литераторы, не говоря уже о научных семинарах. Лаборатория выпустила, помимо 3-х томов материалов встреч социологов («Käeriku» I-III), два выпуска «Трудов по социологии» (1968, 1972). Вчерашние студенты становились аспирантами, аспиранты – кандидатами наук. В 1970 г. Ü. V. блестяще защитил свою диссертацию, которая по своей научной значимости выходила на пределы кандидатских диссертаций.

Пафос же лаборатории Ü. V. заключался в социологическом исследовании происходящих в обществе процессов на основе данных о работе средств массовой коммуникации и информации. Скапливался уникальный и достоверный социальный материал, дававший правдивое представление о социальных процессах и противоречиях, происходящих во внешне благополучном обществе «развитого социализма». В этом была главная причина настороженного внимания, переходящего в подозрительность, а затем и прямую враждебность, которое вызывала лаборатория у ЦК партии и КГБ. Руководство университета в лице ректора А. Коопа поначалу не препятствовало расширению и развитию лаборатории.

Но гром грянул в середине 70-х. Ü. V. начали шить политическое дело. В ход шло всё. И то, что на хуторе лаборатории у камина лежали две проржавленные военные каски – советская и немецкая. По логике обвинителей, советская армия и армия фашистская ставятся на одну доску. Трудно было запомнить множество всякого рода домыслов, на основе которых делалось обвинение в национализме. То, что лаборатория строилась как раз на общесоюзных связях с социологами Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Латвии, Грузии и т. д., никакого значения не имело. Имело значение другое, что друзья и научные помощники лаборатории – Ю. Левада, В. Ядов, Б. Грушин – сами стали подозрительными личностями, их шельмовали те, кто становился хозяевами советской социологии. Шли в ход и обвинения в небрежном хранении социальной информации, да и в том, что она вообще существует. Стали выявлять какие-то сомни-

тельные связи Ü. V. Его вызывали на допросы в КГБ. И вот поступило распоряжение исключить Ü. V. из партии, а затем и из университета.

Процедура исключения из партии должна была начаться с партийного собрания кафедр общественных наук. Собрание было организовано по методу запугивания. Секретарь партийной организации университета стал излагать все прегрешения Ü. V., подчеркивая, что он уже допрашивался в КГБ. Но партийное собрание кафедр общественных наук оказалось не столь податливо, как ожидали устроители этого мероприятия. Преподаватель кафедры философии Ю. Таммару в своем выступлении заявил, что обвинение Ü. V. необоснованно. «Ну и что, – говорил он, – что Вооглайд допрашивался следователями КГБ. Существует же презумпция невиновности! Разве доказано по суду, что Вооглайд преступник?» Обличительных выступлений, кроме официальных обличителей, я вообще не помню. Симпатия собрания была явно на стороне обвиняемого. И вот голосование. *Партийное собрание кафедр общественных наук открытым голосованием не исключило Ü. V. из партии*, давая ему какое-то зыскивание. Правда, это произошло не единогласно. Меня поразило, что, например, Ээро Лооне, сидевший поблизости от меня и выражавший явное сочувствие к обвиняемому как до, так и во время собрания, когда дело дошло до голосования, поднял руку за исключение Ü. V. из партии.

Меня вызывал ректор Кооп и обвинял, что такое голосование собрания в пользу Ü. V. – моя работа, хотя я сам не выступал, а только подавал реплики. Я не скрывал своей симпатии к Вооглайду, но мои организационные способности ректор явно преувеличил. Но, как говорится, «не долго музыка играла». На ближайшем заседании парткома университета Ü. V. исключают из партии, что подтвердил и горком партии.

Рэма Блюма на собрании не было: он в это время защищал свою докторскую диссертацию в Тбилиси. Когда же он возвратился, Ülo уже был городскими партийными организациями лишен партийного билета с формулировкой «за антисоветскую деятельность», грозившей не просто увольнением из университета, а прямым арестом. Целую ночь Рэм и я помогали Ülo написать письмо тогдашнему председателю КГБ Ю. Андропову с объяснением сути дела и разоблачением всей той напраслины, которая его облепила. Как ни удивительно, письмо подействовало. Бюро ЦК КПЭ оставило в силе исключение Ülo Vooglad'a из партии, но формулировку смягчило: «антисоветская деятельность» была заменена на «несоветское поведение». С университетом пришлось расстаться, но жить уже было можно. Ülo переехал в Таллинн, через какое-то время он нашел работу. И не плохую: в Kergetödistusministeeriumi Töö Keskus (1975-1977), а потом с 1977 по 1986 в Rahvamajanduse Juhtivate Töötajate ja Spetsialistide Kvalifikatsiooni Tõstmise Instituut. По счастью, в идиотской системе не все были идиотами и сохранялись даже в руководстве люди, которые понимали, что для реального дела нужны умные и знающие специалисты. Не буду продолжать рассказывать о дальнейшей судьбе одного из первых эстонских социологов, которая привела его в парламент независимой Эстонской Республики. Но в 1975 году созданная им уникальная социологическая лаборатория лежала в руинах, над которыми возвышалась «Лаборатория коммунистического воспитания».

* * *

В условиях советского тоталитарного общества происходила довольно четкое разделение духовной жизни на *официальную*, прошедшую заградительный заслон цензуры, как бы она не называлась, и *неофициальную*, которая являлась непосредственным и спонтанным выражением общественного и индивидуального мнения. Последняя

не имела возможности стать всеобщим достоянием через принадлежащие государству средства информации и коммуникации. Она первоначально, и то в период «оттепелей», прорывалась в стенгазеты, рукописные кружковые альманахи, актерские капустники, передавалась из уст в уста как «интеллигентский фольклор», по удачному определению Ю. Борева. В конце концов, появляется и «самиздат», дающий пищу и «тамиздату». О возможностях интернета тогда невозможно было даже мечтать. Виды неофициальной духовной культуры были многообразны, но особую роль в ней играло то, что М.М. Бахтин называл «народной смеховой культурой», существовавшей в средневековье. И эта «народная смеховая культура» была отдушиной и в новом средневековье. Ведь, по определению Станислава Еже Леца, «каждый век имеет свое средневековье».

В академической среде питательной средой смеховой культуры были полуофициальные мероприятия. Я имею в виду проведение семинаров, конференций, защит диссертаций. Конечно, всё это тоже было регламентировано в своей официальной части, но всё бюрократически формализовать было невозможно. Даже в ходе самих заседаний и защит могли быть острые незапланированные выступления. Что же касается кулуаров, совместных трапез, самодеятельности, то тут была сфера относительной свободы, ограниченная, правда, самоцензурой выступающих, знающих, что и в академической среде были «наушные сотрудники». Всё это сдерживало, но не останавливало. Защиты диссертаций в Ленинграде, Москве, Свердловске, Тбилиси нередко переходили на последующих банкетах (до запрещения их ВАК'ом, а затем на празднованиях «дня рождения двоюродного брата диссертанта») в пародии на официальную защиту. Философское застолье в период конференций, семинаров и т. п., продолжавшее традиции античных *симпозиумов*, т. е. пирушек, рождало немало остроумных речей, шуток, афоризмов, эпиграмм, которые потом разбредались по просторам нашей необъятной родины. Возникали своеобразные провинциальные центры юмора, не уступавшие по остроумию столице. Один из них был на Урале, в бывшем Свердловске. Смею сказать, Тарту тоже не был в стороне от этого всенародного движения. Правда, это совсем не означает, что все «испытанные остряки» обязательно проживали в том же Свердловске или Тарту. Да и их способности проявлялись в наибольшей степени тогда, когда они встречались с себе подобными коллегами из других населенных пунктов.

Не буду скрывать, что и мне приходилось участвовать в этом процессе «карнавализации». Много было написано посвящений, поздравлений, шуточных текстов для юбилеев, всяких торжеств, чтобы снять с них высокопарную торжественность. Но большей частью это был ситуативный юмор, вполне понятный только для соучастников всех этих мероприятий. На суд читателя этой книги я выношу лишь некоторые мои отклики на события окружавшей меня жизни. Критерием отбора для меня служит мера значимости (положительной или отрицательной) тех лиц и событий, которые сподвигли меня на творческую активность и, конечно же, степень удачности проявления этой активности, насколько я могу о ней судить.

Но в конце 60-х годов социология как таковая, еще не расколотая на противостоящие друг другу группы, боролась за свое существование против философов-догматиков, олицетворением которых стал образ *Митрофана Лукича Полупортянцева*.

В стенной газете Института философии АН «Советский философ» в связи с академическими выборами 1966 г. появился стенд «Выставим кого надо». В академики был выставлен *Митрофан Лукич Полупортянец* — обобщенный образ номенклатурного философа, созданный

Слева направо:

Первый ряд (сидят): А. Milts, Аркадий Сопиков, Елена Смирнова, Вадим Ольшанский, Елена Осипова, Владимир Ядов, Генриета Хмара, Ülo Vooglaid, ???, Sirje Krikk de Mateo, ???;

Второй ряд: Renita Timak, Marju Lauristin, Jevgeni Golikov, Vladimir Tarassov, Asser Murutar, Sirje Kiin, Viive Ruus, Вера Водзинская, ???, Шота Надирашвили, Вера Каюрова, Олег Божков, Борис Фирсов, Леонид Столович, Захар Файнбург, ???, Павел Буторин, Mikk Titma;

Третий ряд: ???, Aili Aarelaid, ???, Nikolai Gorbunov, Paul Kenkmann, Peet Lepik, Дмитрий Шалин, Нина Наумова, ???, Георгий Щедровицкий, Леонид Гордон, ???, Михаил Мацковский, Виктор Бойко, Галина Саганенко, Алексей Семенов, Эдуард Беляев, Галина Красноносенко, ???;

Верхний ряд: Pikkar Joandi, Tiia Kaasik, Krista Mits, Henn Mikkin, Ann Seilenthal, ???, Jaak Allik, Märt Kubo, Kaarel Naav, ???.

по образцу Козьмы Пруткова, но насыщенный новым социально-комедийным смыслом. Это был продукт коллективного творчества талантливых сотрудников института, в основном входивших в состав редколлегии стенгазеты: Эвальда Ильенкова, Эрика Соловьева, Александра Зиновьева, Арсения Гульги и некоторых других философов, не уступавших по остроумию и мастерству профессиональным литераторам и карикатуристам.

Кто такой М. Л. Полупортянцев? Этот вопрос проясняет его автобиография, появившаяся на стенде:

«Вышел я из народа. До 1937 года жил тихо. Без повышения. В том году из-за наличия вакантных мест сделался кандидатом философских наук. Мною написано очень много автобиографий, сигналов и монографий. Важнейшие из них следующие:

1. «Меньшевиствующие идеалисты — это империалистствующие гомосексуалисты», 1932 г., в соавторстве, а второе издание 1938 г. уже без соавторства.
2. «Вейсманистствующие менделисты-морганисты», 1949 г.
3. «Вершина мировой философской мысли», 1950 г.
4. «Еще одна вершина мировой философской мысли», 1951 г.
5. «Памир (крыша мира) мировой философской мысли», 1952 г.

После этого по случаю инсульта находился в длительном творческом отпуску. Вернувшись к плодотворному научному труду, написал:

6. «Кукуруза как вершина мировой агрономической мысли», 1961 г.
7. «Кукуруза как пример волонтаристствующего субъективизма», 1965 г.

8. «Экзистенциализм», 1966 г., в соавторстве.

И всего этого я не стыжусь. В условиях обостряющейся идеологической борьбы моя творческая мысль развивалась и крепла. Прошу избрать меня прямо в академики, потому что мне уже 55 лет».

(Дело в том, что в это время при избрании в членкоры накладывался возрастной ценз).

К автобиографии М. Л. Полупортянцева были приложены некоторые его любимые афоризмы, как-то: «Как говорят французы, такова селяви»; «А все-таки Рубикон должен быть разрушен!»: «Глас выпивающего в пустыне»; «Вальпургену ночь»; «Сдвинуть дело с мертвой точки зрения» и т.п. Автобиография М. Л. Полупортянцева получила широкий резонанс в философских кругах и вошла в философский фольклор, дополняясь в списках самиздата. Отмечалось, что после 1937 г. Полупортянцев был назначен замдиректора НИИБЕЛЬМЕСА, был старшим «наушным» сотрудником, издал в 1949 г. приказ об отчислении из НИИБЕЛЬМЕСА группки империалистствующих космополитов во главе с аспирантом Семитским, написал в феврале 1953 г. статью «Смертоубивцы в халатах». Появилась песня «Митрофан Полупортянцев и Исаак Гершензон» (автор Эрик Соловьев), которую на мотив романса «Мой костер в тумане светит...» с удовольствием исполняли участники философских и социологических конференций, симпозиумов и семинаров, в том числе в Кяэрику. От имени Митрофана Полупортянцева писались письма, стихи, отзывы на диссертации. Один из них — «Отзыв на диссертацию Б. Б. Балаболкина «О дальнейшем преодолении существенных различий между мужчиной и женщиной», представленную на соискание ископаемой степени кандидата философских наук» (автор А. Гульга).

В сборнике «*Kääriku – Кяэрику I*. Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяэрику – 1966» (Тарту, 1967) я напечатал «Страницы из дневника» проф. М. Л. Полупортянцева.

27 октября 1966 г. Митрофан Лукич писал по приходу в Эстонию:

«Оказывается, это совсем не за граница, хотя и говорят тут на иностранном языке и хорошо организован сервиз, как говорят англичане».

А на следующий день, делаясь своими впечатлениями от встречи социологов, Полупортянцев восклицает в записи 28 октября:

«Что же здесь происходит?! И впрямь как на конгрессе каком-то! Что это с молодежью? Забыла основы общечеловеческих наук! Зачем склоняются и спрягаются все эти чуждые нам, не наши понятия, как-то: «коммуникация», «установка» (добро бы еще партийная!), «регуляция», «отчуждение», «социум»? Нет, я не против нового, которое неодолимо. Я тоже читал кой-какие переводы и могу, как говорят, ударить грязью в лицо. Я не против социологов, я за социологические исследования! Я против аллилуйщины, которая порождение культа. Я за индуктивный и за дундуктивный методы. Я не против дискуссий, но нам нужна такая дискуссия, на которой бы все говорили правильно. А здесь говорят неправильно, предвзято не продумано. К примеру, те же «массовые коммуникации». Что значит: «кому никак»? И причем тут массы?»

И опять же преувеличивают роль техники. Тут один товарищ показывал аппарат, который подсчитывает сколько процентов «за» и сколько «против». Решали вопрос, кто хочет мыться в финской бане смешанного типа (в Эстонии, оказывается, есть финские бани, т. е. эстонским языком очень похож на финский). Получилось 23 % «за». А если такой аппарат будет решать вопрос о присуждении ученых степеней и званий и другие текущие вопросы? Разве «механическим» большинством можно определять, как говорят англичане, «кто есть ху»? [Как мы видим, формулу «кто есть ху» Полупортянцев произнес задолго до Горбачева].

28 октября 1966 г.

Сегодня были жаркие споры о ценностях жизни и культуры. Одни кричат: «Ценность есть отношение объекта и субъекта», другие: «Ценность есть отношение субъекта и объекта». Пришлось дать отпор. Одним за объективизм. Другим за субъективизм.

Последняя запись даже была слово в слово воспроизведена в «Литературной газете» от 19 июня 1968 г. в отделе «В кулуарах социологии» (правда, без указания источника).

Прообразом этого дневника был дневник «научного туриста» – «Гегель и мы» (автор А. Гулыга), появившийся в начале 60-х годов. Этот дневник, как и «Основы демагогической логики», написанные А. Гулыгой также в начале 60-х годов, были первыми штрихами образа Полупортянцева. Эти оба остроумных текста были частично опубликованы в стенгазете Института философии «Советский философ» (они полностью напечатаны в журнале «Диалог» (его девичья фамилия – «Политическое самообразование»). в №№ 2 и 9 за 1991.

Сборник «*Kääriku – Кяэрику I*» был роздан участникам 2-ой встречи социологов в 1967 году, который проходил под риторическим вопросом М. Л. Полупортянцева:

«Что же здесь происходит?!»

У меня сохранились коллективная фотография, на которой запечатлен плакат с этой надписью: «ЧТО ЖЕ ЗДЕСЯ ПРОИСХОДИТ?».

Для «*Kääriku – Кяэрику II*» мною был подготовлен текст «Ответ на приглашение на Кукарскую встречу социологов заведующего отделом НИИБЕЛЬМЕСА профессора Полупортянцева, Митрофана Лукича»:

Уважаемые граждане! Благодарю за приглашение, однако использовать его не могу не только в силу слабости здоровья, но и по некоторым принципиальным соображениям.

Перво-наперво, о теме вашего симпозиума, или, попросту говоря, в переводе с древнеримского, сабантуя: «Массовая коммуникация и личность». О порочности чуждого нам понятия «массовая коммуникация» я уже писал и не стану себя дублировать (мои записки цитировались даже в «Литературной газете» от 19 июня 1968 г., хотя анонимно и безгласно). А тут еще «личность»!

Скажу вам откровенно, я всегда борюсь против культа личности: личность давно пора устранить. А вы с чужого голоса вытаскиваете на свет эту мнимую псевдо-проблему!

Окромя того, должен сказать вам со всей прямотой: много у вас организационной неразберихи и прямого очковитательства.

Так, вы пишете, что температура в финской бане (замечу кстати, что эта баня – национальная по форме и обычная по содержанию – единственное, что мне у вас действительно понравилось) может дойти до 140°, тогда как вода кипит уже при 100° (количество переходит в качество).

Далее, Слишком много вы приглашаете социологов на букву «К», как-то: Кон, Коган В., Коган Л. и Шляпентох.

Почему до сих пор не открыт закрытый буфет для специалистов высшей квалификации?

В этих ненормальных условиях мое присутствие было бы необходимым, хотя я не Дон Жуан, чтобы сражаться с ветряными девицами. Но случилось так, что в данный период имело место быть много ответственных Международных конгрессов, на которых кроме меня некого достойно представлять нашу Великую Родину: по философии в целом в Австрии, про Гегеля в безызвестном Париже, по этике или эстетике (точно не помню) в Швеции. Поэтому в Кукарку я не могу, к сожалению для вас, выбраться. Но скажу откровенно, существенно на тех конгрессах было мало, хотя было немало поучительного. Прав был тов. Астахов, который, выслушав целый ряд докладов в Шведском, немецком, французском и итальянском языках, сказал в кулуарах: «Ловко они свои дела обделывают!».

Предполагал я также опубликовать в «*Kääriku – Кяэрику II*», подписанный к печати в разгар «Пражской весны», полный текст «Основ демагогической логики», написанный А. Гулыгой. Но, к счастью, буквально в последний момент перед выходом сборника в свет весь этот юмористический отдел я вытащил из ротационного набора. К счастью, потому, что советские танки уже вошли в Прагу, и нам всем было бы не до смеха. Повод для расправы с нами был бы отличный. Но нам удалось этого избежать. Осенью 1968 года состоялась встреча социологов на тему: «Личность и массовая коммуникация», на которую М. Л. Полупортянцев не смог приехать. В 1969 году, в преддверии уже последнего слета социологов на тлеющий огонек свободы, вышел сборник, тоже последний, «*Kääriku – Кяэрику III*». В нем даже был уголок юмора, правда, довольно безобидного, так сказать, внутри-социологического.

Последняя, IV кяэрикуская встреча, состоявшаяся поздней осенью 1969 года, помимо содержательного обсуждения темы: «Массовая личность, массовое общество, массовые коммуникации», запомнилась ее участникам явлением Игоря Губермана.

Моя первая встреча с Игорем произошла незадолго до этого на сугубо научной конференции в Институте исто-

рии искусств. Представившись «научпопником», т. е. писателем научно-популярной литературы, он подарил мне свою книгу «Чудеса и трагедии черного ящика», с такой надписью: «Магистру мышления от волонтера дезинформации – с симпатией и почтением. И. Губерман».

На свободном от эпиграфов пространстве автор от руки написал строки, ныне ставшие хрестоматийными. Это были краткие стихотворения, необычайно остроумные и политически острые. Автор называл их впоследствии *гариками* (тех, кого называют Игорем, именуются также Гарилом). Как теперь говорят журналисты, только ленивый не увидел бы «кто есть кто», т. е. *Игорь Губерман*. Я в то время ленивым не был. Не были ленивыми и те, кому было поручено и доверено бдеть. Через несколько лет они спохватились, когда благодаря Губерману фольклор стал обогащаться такими формулами

Не стесняйся, пьяница, носа своего,

Он ведь с нашим знаменем цвета одного.

Все это не могло оставаться безнаказанным. И в период ожесточения борьбы за мир, Губерман получил свой срок, и ему пришлось писать не про «черный ящик», которого он счастливо избежал, а «Прогулки вокруг барака». А в 1992 г., когда мы встретились много лет спустя, он надписал мне на только что вышедшей книге «Гарики на каждый день»:

«Профессору – от уголовника – на счастье и удачу. И.Г.»

Но тогда, когда произошло наше знакомство, до всего этого было далеко. Губерман еще только начал заслуживать свою судьбу.

После нашего знакомства на конференции, Игорь позвонил мне из Москвы и выразил желание приехать, движимый «научпопничеством», на очередную встречу социологов в Кяэрику. «Очень хорошо, – сказал я, – мы издаем материалы конференции, в которых должны быть страницы юмора. И ты нам поможешь!» «Ничего не получится, – последовал ответ. – У меня только три темы: антисемитизм, секс и правительство».

И вот мы глубокой осенью собрались в Кяэрику.

Ученое собрание началось со взаимного знакомства в таком ключе:

– *Ядов, Владимир Александрович* (тогда еще далеко не директор института социологии Российской Академии наук), Ленинград (тогда еще далеко не Санкт-Петербург), занимаюсь проблемами социального общения и ценностных ориентаций.

– *Вооглайд, Юло* (тогда еще далеко не член парламента Эстонской Республики), Тарту, занимаюсь проблемами массовых коммуникаций.

– *Лауристин, Марью* (тогда еще далеко не министр Эстонской Республики и даже не заведующая отделением журналистики Тартуского университета), Тарту, занимаюсь проблемами контент-анализа...

В этом ряду прозвучал робкий голос:

– *Губерман, Игорь*, Москва, занимаюсь проблемами дезинформации, дезорганизации и дезавуирования...

Во время перерыва к И. Губерману подошел тогдашний директор института социологии Бурят-Монголии и спросил:

– Скажите, пожалуйста, Вы занимаетесь этими проблемами по заданию райкома или органов?

– Я не хотел бы говорить на эту тему, – скромно заметил Губерман. В ответ последовало: «Понимаю, понимаю...». (В своих тюремно-лагерных мемуарах Игорь более подробно вспоминает этот эпизод. См. *Игорь Губерман*. Прогулки вокруг барака. – М.: ДО «Глаголь», 1993, с. 154–155

Так началась научная жизнь на еще не вполне самостоятельной эстонской земле, когда социологи шутили, как физики, но еще не дошутились. И тут стало ясно, что недавно скончавшийся Ежи Лец – еще жилец. Губерман давал каждому столько, сколько кто мог взять и кто сколько заслужил. Он не лез за словом в карман. Карманы его были пусты. В Эстонии ему больше всего понравились «флора и сауна». В сауне в момент, когда ученые мужи, после жарких дискуссий, разогрели себя в 140-градусной жаре финской бани и охладились в ледяной воде озера, разомлевали от жигулевского пива эстонского производства и интернационального шашлыка, будучи в костюме Адама, он мог бросить клич: «А теперь, мужики, *cherchez la femme!*». Узнав, что симпозиумом будет руководить социологический Сенат, он скромно поинтересовался: «А где тут у вас Сенатская площадь? У меня есть планы на декабрь».

В наш обиход на многие годы вошла житейская мудрость бабушки Губермана: «Лучше я подожду поезда, чем он меня ждать не будет».

Запечатлелся и редакционно-издательский принцип тех лет: «Кашу Марксом не испортишь!».

Губерман уверял, что Сократ сказал перед смертью: «Дайте мне порцию Ядова!».

Он вступил в полемику с Декартом, который, как известно, утверждал: *cogito, ergo sum* («Я мыслю, следовательно, я существую»). Губерман полагал, что более правильным было бы: *coitus, ergo sum*. А что такое *coitus*, сексуально образованный читатель знает и сам.

А сколько мы узнали от него поучительных историй! Вот одна из них. В 1956 году строчивший пулемет преграждал путь бойцам, исполнявшим свой интернациональный долг на улицах Будапешта. Когда они захватили огневую точку, то увидели у пулемета девочку и мальчика. И боевая подруга сказала своему соратнику: «Ты держись, как Олег Кошевой, а я буду, как Любка Шевцова». Такова была сила советской литературы!

Подобные поучительные истории, рассказанные когда-то за щедрым писательским столом (к нему И. Губерман был допущен как зять Юрия Либединского), вызвали непроизвольную реакцию отца дяди Степы-милиционера и соавтора советского гимна – С. Михалков: «Молодой человек, а где Вы работаете?» Молодой человек не всегда это знал сам, но хорошо знал другое:

*У писателей ушки в мерлушке
и остатки еды на бровях
возле дуба им строят кормушки,
чтоб не вздумали рыться в корнях.*

То, что было впоследствии названо «дацзыбао» и «гарики», швырялось направо и налево, точнее, слева направо, бесцензурно, а порой и нецензурно, но непременно остроумно. Доставалось всем, но по чину. Положение губернаторское оказывалось хуже губермановского. Кумиры повергались, проткнутые рогом избытия.

Губерман не вмешивался в ход научной дискуссии. Только в самом конце симпозиума наш гость не выдержал обет молчания за круглым научным столом (за другими столами он не давал «обед молчания»). Когда основной докладчик в своем заключительном слове стал сглаживать углы и предостерегать собравшихся от идеологических опасностей, в то же время призывая дать проблеме массовых коммуникаций «зеленую улицу» и не преграждать ее слагабумом, Игорь Губерман встал:

– Я никогда бы не посмел взять слово на столь высоком ученом собрании, если бы товарищ докладчик не произнес слово «слагабум». Дело в том, что я – железнодорожник по образованию. Вот он говорит: «дать зеленую улицу», но не знает, что это такое. А я знаю. Это – когда едешь, едешь, едешь, но только, если соблюдаешь указания табличек по бокам: «Открой поддувало!», «Закрой

поддувало!», «Открой сифон!», «Закрой сифон!»... Поэтому я желаю вам счастливого бездорожья!

Без атмосферы живое не может существовать. И мы ее получали в Кяэрику в бездушно пространстве и душном времени, тем самым избежав «трагедии черного ящика» без его чудес. Явление Губермана буквально всех тонизировало. И в это время начавшегося погрома нарождающейся отечественной социологии избиваемые социологи могли

адресовать своим административно-номенклатурным гонителям крылатое двустишие Губермана, до сих пор считающееся народно-анонимным:

Мы – умы,
а вы – увьи!

КАК ЭТО БЫЛО. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ С 42 НЕИЗВЕСТНЫМИ

Борис Докторов

На групповой фотографии в приводимой выше статье Леонида Столовича, 61 участник семинара в Кяэрику; в исходном варианте статьи были указаны имена 16 из них. Уже при первом взгляде на фото было ясно, что троих человек (один – на левой стороне снимка в четвертом ряду и двое – в центре третьего ряда) будет очень сложно определить: видны лишь небольшие фрагменты их лиц. Таким образом, возникла задача идентификации оставшихся неопознанными 42 человек. Сначала я расскажу о том, как решалась задача поиска этих «неизвестных», затем – с какой целью.

Присмотревшись внимательно к фотографии, я понял, что знаю некоторых ленинградцев, которых не отметил Столович, но одновременно стало ясно, что одному мне не решить задачу идентификации, необходима помощь тех, кто изображен на ней, а также тех, кого я не увидел на снимке, но кто, по моим сведениям, участвовал в семинарах. Письма ушли сразу по ряду электронных адресов. Первой ответила Лариса Федотова (ее нет на снимке), ныне профессор МГУ. В девушке, стоящей первой во втором ряду она опознала Рениту Тимак, тогда студентку Тартуского университета (ТУ), уже многие годы работающую в области социологии массовой информации; я знаком с нею более четверти века. Вскоре написал Олег Божков, он добавил к списку Столовича 15 человек; весьма значимый вклад. Он же сообщил важную историческую деталь: снимок сделан 1 апреля 1969 года; 40 лет назад в «День смеха». Эдуард Беляев, который живет в США с 1977 года и с 1978 года преподает в Колумбийском университете в Нью-Йорке, узнал в молодом человеке, стоящем последним во втором ряду, Павла Буторина. Много лет назад Буторин работал с Беляевым в секторе Владимира Ядова, но три десятка лет назад эмигрировал в Америку.

Один из участников группового фото мне показался похожим на Андруса Саара, выпускника ТУ, создателя и руководителя Saag Poll Ltd – известной в Эстонии и далеко за ее пределами организации по изучению общественного мнения и рынка. Я несколько десятилетий знаю Саара и написал ему. Я ошибся, его нет на снимке, но он прислал мне электронный адрес Тимак, которая, как мне представлялось, могла помочь в идентификации эстонских участников семинара. Так и оказалось. Она указала 14 имен членов «эстонской команды», не названных Столовичем и Божковым. Некоторых из них я знал когда-то, но признать их на фото не мог.

В процессе проведенного поиска из 42 «неизвестных» было идентифицировано 32 человека, т.е. вдвое большее число, чем было приведено Столовичем. Итого, из 61 участника семинара определено 48 имен.

Теперь попытаюсь указать причины, заставившие меня заняться «розыском» и обратиться за помощью к моим коллегам, которым я бесконечно благодарен за их внимание к этой работе. Одни из причин виделась мне исходно, в совокупности они образовали импульс к поиску. Потом открылись и другие причины, которые не

позволяли прекращать его, они трансформировали исследовательскую задачу из «арифметической» (идентифицировать как можно большее число людей на фото), в историко-научную.

Исходным было простое любопытство, азарт исследователя, уже несколько лет занимающегося историей социологии [1], [2], сначала – изучением становления технологии опросов общественного мнения в США, потом – современным этапом советской/российской социологии. При работе по американской тематике, охватывавшей по крайней мере последние сто лет, приходилось по крупицам собирать материалы о своих героях, выискивать в архивах их переписку, писать людям, много десятилетий назад знавших их, и т.д. Был и опыт идентификации людей, на обнаруженных в старых журналах и в сети фотографиях. Постхрущевский период отечественной социологии – по историческим меркам, достаточно короткий, живы и активно работают многие из тех, с деятельностью кого связывают начало нашей науки. Но легко понять, что пройдут годы, и, если не зафиксировать сейчас многое из происходившего 50-40-30 лет назад [3] и хранящегося в памяти участников этих событий, то многое может легко исчезнуть из истории. И здесь априори невозможно определить, что подлежит такой фиксации и анализу, а что – нет, ибо в будущем теряет значимость. Во всяком случае, я считал целесообразным *идентифицировать* на фотографии *как можно большее число людей*.

Скажу, что в этом поиске были неожиданности: я не смог идентифицировать не только Рениту Тимак, но и еще трех человек, которых должен был узнать. Так, седьмым в третьем ряду является Дмитрий Шалин, профессор социологии в Университете штата Невада (в Лас-Вегасе), с которым мы в создали и в ходе регулярной переписке по электронной почте поддерживаем уже ряд лет сайт онлайн-американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива» [4]. Шалин эмигрировал в 1975 году, и последний раз мы встречались в начале 90-х. 15-ым в том же ряду стоит Михаил Мацковский (1945-2002), которого я прекрасно знал и у которого был дома. На рубеже 60-х – 70-х под руководством Бориса Грушина он изучал механизмы понимания газетного текста, а позже стал одним из известнейших в стране специалистов по социологии семьи. Справа от него – Виктор Бойко, крупный специалист в области медицинской психологии. В начале второй половины 60-х, когда он исследовал социально-психологические аспекты информационного телевидения, я помогал ему в обработке эмпирической информации; иногда мы случайно встречались и позже. Всех троих мне подсказал Божков; Бойко и Шалину я отправил электронные письма с просьбой подтвердить это «открытие», а относительно Мацкого обратился к его давнему другу, сотруднику Института социологии РАН Михаилу Косолапову. В свое оправдание отме-